

*Во главе восстания стоял фракиец Спартак, являвшийся, быть может, потомком благородного рода Спартокидов, достигшего царских почестей, как во Фракии, так и в Пантिकाпее.**

Т. Моммзен. История Рима. Том 3.

Спартак! Это имя пришло мне на ум в те самые победные для Крыма и России дни мая 2014 года, когда первый раз в своей жизни я оказался в Керчи – на вершине горы Митридат. Уже разгоралась война на Донбассе, но Крым, видевший в своей истории бесчисленное множество иноземных вторжений и гражданских смут, на этот раз избежал войны. Глядя на расстилавшийся внизу мирный город, некогда бывший древним античным полисом, я вдруг подумал о Митридате Понтийском – царе Боспора, человеке, в честь которого была названа эта гора: величайшем противнике Римской Республики. Тридцать лет борясь с Римом, проиграв ему три войны, здесь, в Пантिकाпее, бывшей столице Боспорского царства, Митридат покончил с собой, чтоб не попасть живым в руки вра-

* Спартокиды – династия боспорских царей, правивших в Крыму, в Пантिकाпее, в 438–109 гг. до Р.Х.. Последний Спартокид царь Перисад V погиб от руки предводителя тавроскифов Савмака, после чего Боспорское царство подпало под власть царя Митридата VI Евпатора.

гов своих, присоединивших, в конце концов, Крым к их великой Империи. Мои мысли – о Понтийском царе тотчас перенеслись и к другому человеку, не погибшему, а родившемуся в Пантикапее (таково мнение некоторых авторитетных историков), современнику и союзнику Митридата Евпатора – Спартаку, рабу-гладиатору, восставшему против Рима. Так, стоя на самой вершине древней горы в освобожденном Крыму, я размышлял о не случившейся здесь войне. Думал о Митридате. О Риме. О Крыме. О Спартаке...

О Рим, Рим! Вечный город! Владыка мира!.. Величайшее государство с начала истории человечества, разросшееся из маленького поселения на Тибре до границ едва ли не всей обитаемой Ойкумены, покорившее и сломившее племена и народы окружавших тебя варваров, втоптавшее в прах тяжелыми солдатскими каллигами остатки великих империй, гордившихся когда-то своим избранничеством перед ликами великих богов, низвергнувшее в подземное царство забвения и самих этих богов во славу богов римских, ты не выдержало, в конце концов, тяжести собственного могущества и зашаталось под грузом своих завоеваний. Ибо вместе с этими завоеваниями в Римскую Республику хлынули мириады рабов, опасных для труда свободных людей, а знакомство с варварским Востоком разрушило суровые нравы народа-воина. И вот уже пороки, безнравственность восточных излишеств, бесплатного хлеба и кровавых зрелищ, как ржа разъедают душу древней Республики. И старинные боги Рима, давшие римлянам-квиритам власть над миром, гневаются на своих детей, и потомки Ромула, вскормленного молоком волчицы, обращают оружие друг против друга в кровавой схватке союзнических войн и гражданских смут.

Боги жаждут, древние боги Рима! Пришло время спасти хранимую ими Республику, ибо не устоит ни одно царство, ни одна империя, если они разделятся внутри себя: римляне нарушают завет царя Нумы Помпилия, заключившего договор с Юпитером-Квирином о запрете человеческих жертвоприношений, и возвращаются к кровавым тризнам своих предков, только теперь их совершают уже не на алтарях мертвых богов, а на арене цирков и амфитеатров под одобрительный ропот всего римского народа, жаждущего теперь не только хлеба, но и зрелищ!.. И кровь от множества умирающих гладиаторов, очистительных жертв за народ римский, все глубже пропитывает песок арены...

Гладиаторы – «люди гладиуса», меч, – рабы, обреченные убивать друг друга на потеху своим хозяевам, это такие же «говорящие орудия», как и остальные невольники, но только в отличие от «рабов-лопат», «рабов-тачек» и «рабов-счетчиков» их «орудие» – меч, и сами они – «говорящее оружие». Но римляне, пребывавшие в слепой уверенности, что оставаясь «говорящими орудиями», не лишены голосом, но до скончания века лишены души, они будут так же безропотно трудиться и беспрекословно умирать во славу сво-

их господ за кусок хлеба и под кнутом надсмотрщика, – ошибались.

И тут «раб меча» внезапно ощутил себя человеком с мечом. Потому что среди двух миллионов италийских сервов, покорно несущих на себе рабское ярмо, однажды нашелся, наконец, один раб-гладиатор, приговоренный к смерти на арене в качестве очистительной жертвы, который сказал: «Братья! Не достойней ли пойти пусть и на смертельный риск ради свободы, чем рисковать своей жизнью, будучи в цепях, для потехи зрителей? Я – Спартак!» Таково было имя раба, освободившего в результате последовавшего затем гладиаторского мятежа сто тысяч италийских рабов.

Так сбылось предсказание сивиллы, сказанное за пятьсот лет до этих событий: что настанет день, когда римлянам, прогневившим богов, придется воевать со всеми народами сразу, – и это пророчество сбылось в войне с восставшими рабами, ибо в рядах мятежников находились представители всех средиземноморских племен.

Восстание, вспыхнувшее в гладиаторской школе в Капуе поначалу лишь маленьким, едва трепещущим на ветру огоньком факела, вскоре разгорелось ярким пламенем и взлетело до небес прямо на вершине горы огнедышащего Везувия (сбылось второе древнее пророчество – бывший вулкан вновь изверг из себя «огненную» лаву мятежа). Затем пожар волнений охватил всю Южную Италию, выжженной землей пронесся по Кампании, Самнию, Апулии и Лукании, выжег сотни латифундий, горящим кругом лег вокруг осажденных и разоренных городов Нолы, Нуцерии, Фурии и Метапонта, а потом стал подбираться и к самому Риму, где орды восставших, лишенных даже имени рабов, а также крестьян-италиков, обездоленных новыми сулланскими порядками, объединившись, объявили поход на Вечный город. Именно тогда слова и звук имени великого гладиатора, которое многие предводители мятежников присваивали себе для устрашения бывших хозяев, приводило в трепет сердца бегущих из своих поместий римлян: «Квириты! Страхитесь! Пришел день вашей гибели: я – Спартак!»

Да, Спартак, ты не забыт в истории, несмотря на истекшие двадцать столетий! О тебе мы не знаем почти ничего. Родич последних представителей крымских Спартокидов, сподвижник царя Митридата в его войне против Рима во Фракии и Греции, ты появился на сцене истории лишь на краткое время, и потом также бесследно исчез... но какую память ты оставил по себе! В глубине тысячелетий исчез Рим, против которого ты боролся, давно стерлась память о твоих противниках: Крассе, Помпее, Лукулле и Вересе... А тебя помнят, твоей борьбой против рабства восхищаются, о тебе снимают фильмы, ставят оперы, балеты, пишут книги, в твою честь называют спортивные игры и общества. Словно те гладиаторские мунерии, которые ты затеял волею богов и своей волей, – превратив на два года в арену гигантского амфитеатра всю землю Италии, – были не кровавой войной за свободу, а простыми играми-представлениями, подобно соревнованиям в греческой

Олимпии. Не стала ли такая память насмешкой над твоей борьбой?

Но чего ты хотел? Чего добивался, «вождь спартов»-воинов, выросших из посеянных зубов дракона (воистину римляне посеяли гроздь гнева среди своих «говорящих орудий», и, словно мифические «спарты», эти посевы взошли), и «предводитель копьеносцев» (так, кажется, переводится твое имя?), принцепс («первый среди!») гладиаторов Великой войны рабов? Личной свободы? Но ты уже получил ее, вырвавшись из гладиаторского лудуса, получил ее вместе со своими семьюдесятью тремя соратниками по арене, за чем же, оказавшись на Везувии, ты стал собирать многотысячную армию таких же обреченных людей для войны, вместо того, чтобы просто бежать из Италии на кораблях киликийских пиратов?

Ты стремился к сокрушению Римского государства? Но ты должен был понимать, что это было невозможно силами одних только рабов, в большинстве своем отнюдь не воинов, а просто домашних слуг и забитых, приниженных работников сельских латифундий, привыкших гнуть спину на хозяев, а не держать в руках оружие, к тому же еще и составлявших меньшинство в Республике. Но если бы даже тебе это удалось в союзе с изменником Серторием, атаковавшим Рим с запада из Испании, и деспотом Митридатом, захватившим весь малоазиатский Восток, если б пал Капитолий, разве стало бы лучше, когда государство народа-воина с его библиотеками, дорогами и акведуками, сменила варварская культура племенных союзов и восточных деспотий? Не оказалась ли тогда бы цивилизация отброшенной на века назад, а ты, победитель Рима, в памяти человечества остался бы еще одним «бичом божьим», подобно Бренну, Атилле и Тамерлану?

Ты добивался уничтожения рабства? Хотел ли ты пойти против естественного порядка вещей, самими богами установленного, как думали люди того времени, или понимал, что при существующем миропорядке это невозможно: ведь законное владение человека человеком просуществовало еще тысячу лет! Но тогда зачем же ты отменил в своем лагере золото и серебро (деньги), и все добытое делил поровну между всеми, а себя не объявил царем, предпочтя оставаться первым среди равных до самого конца? Не означало ли это, что ты стремился все-таки к своей цели – уничтожению неравенства и угнетения человека человеком в его крайних формах и построению нового общества, подобно тому, которое было описано сицилийским философом Ямбулом в его трактате «Государство Солнца», поместившим это необыкновенное общество на островах Тапробаны за Геркулесовыми столпами?

Некоторые полагают, что за псевдонимом «Ямбула» скрывался не кто иной, как философ Блоссий, друг и учитель Тиберия Гракха, который, – о, парадокс судьбы! – попытался осуществить свои идеи на практике. Когда Аристоник, сын пергамского царя и его любимой рабыни-наложницы, поднял восстание в Малой Азии, Блоссий, бежавший из Рима после гибели знаменитого реформатора, при-

соединился к Аристонике, стал его ближайшим советником и вместе с ним попытался построить в бывшем Пергаме еще невиданное в Ойкумене Государство Справедливости, в котором было отменено не только рабство, но и деньги, однако вмешавшийся в борьбу с «царем рабов» Рим раздавил своими легионами первый в мире Гелиополис.

И еще: где ты видел свой Гелиополис, Спартак? В Испании–Иберии? Во Фракии–Галлии? В Тавриде–Крыму, откуда, возможно, ты сам был родом? Во всяком случае, не на земле Италии. Сияющий Гелиополис (или мечта, по крайней мере, о нем для большинства рабов) виделся тебе только там, за пределами Апеннинского полуострова, за сверкающими снежной белизной вершинами Альп. Для этого необыкновенного похода, чтобы с боем проложить себе дорогу к свободе, ты, не удовлетворенный личным освобождением от цепей, хотел освободить всех итальянских рабов и собрать из них армию. И пусть не все невольники, но каждый двадцатый раб в Италии присоединился к тебе и твоим товарищам–гладиаторам (присоединились 100000 из 2 миллионов. – *В.Ш.*). Какой длинный, почти тысячекилометровый путь им предстояло пройти: от Капуи до Везувия и далее, через Кампанию, Самний, Пиценум, Умбрию и Цизальпин – до подножия самих Альп!

«Спартак!» – как когда-то Ганнибалово имя, гремит твое имя, имя восставшего раба по всей Италии от края до края, вызывая не меньший ужас у одних и надежду у других. Потому что ты совершаешь невозможное: когда армия гладиаторов достигает Мутины – столицы Цизальпинской Галлии, в дорожную грязь оказываются втоптаннными легионные орлы пяти преторских, двух консульских и одной проконсульской римских армий. Но здесь путь тебе преграждает еще одна армия, последняя, самая грозная, потому что ее нельзя победить. Эта новая великая армия, Спартак, – твоя собственная. Рабы, ставшие воинами, отказываются покидать Республику, не желая менять итальянскую цивилизацию на варварские леса и горы. Можно сбить цепи с рук рожденного раба и даже вложить в эти руки вместо кирки и лопаты меч, но невозможно изменить его низменные мысли, где мечта о свободе для всех очень часто заменяется мыслью о господстве над всеми.

Нетничегострашнеебывшегораба,захотевшегостатьгосподином...

Спартак! Уступив своей армии, решившей остаться в Италии, ты проиграл. И словно предчувствуя новый, уже совсем другой этап невольнической войны, здесь в Мутине, ты прибегнул к ужасному средству – воззвал к помощи подземных богов через великое жертвоприношение: триста пленных римских солдат бились тогда, как гладиаторы, у погребального костра погибшего вождя гладиаторов–галлов Крикса, убитого претором Аррием у Гарганской горы. Но неужели ты думаешь думал, что эти очистительные жертвы «против народа римского» способны были переломить изменившийся не в твою пользу ход рабского восстания? И разве фракийский Ге-

рос, этрусский Тухулка и римский Орк-Плутон могли помочь тебе?

Ты видишь? Прошло несколько месяцев – и твое положение стало почти безнадежным. Бессмысленной оказалась попытка идти на Рим: десять легионов последней римской армии Лициния Красса, уstraшенные еще более страшным жертвоприношением, чем твое, мутинское, – децимацией (казню каждого десятого в строю), преградили тебе путь. Непреодолимым оказался Мессинский пролив у Сицилии с его мысом Сциллой и водоворотом Харибдой, и все твои попытки переправиться на землю древней Тринакрии на плотах или на кораблях киликийских пиратов оказались тщетными в результате предательства пиратского наварха Гераклеона и неожиданно налетевшей зимней бури. Недостигаемым оказался и порт Брундизий – морские ворота в Азию – твоя последняя надежда: отсюда ты хотел покинуть проклятую землю Италии (и твое войско, подавленное удивительным возрождением римлян после всех потерь, на этот раз было послушно твоей воле), но эти ворота в самый неожиданный момент оказалась запертыми высадившимися в Брундизии когортами наместника Фракии Марка Лукулла.

Вот и все! Твое поражение – дело нескольких дней, последние песчинки падают на дно чаши часов-клепсидры, и ты сам вспомнил тогда пророчество, сказанное приближенной к тебе фракийской жрицей, видевшей, как во время сна змеи обвилились вокруг твоего лица, пророчество о своем ужасном конце после великих побед. Это время пришло, Спартак, но иногда гибель, кажется, предпочтительнее победы. Потому что смерть во имя идеи делает бессмертной саму идею.

Один против трех римских полководцев – Красса, Помпея и Лукулла – ты принимаешь свой последний и безнадежный бой у истоков реки Силара, и твое войско бросается на ближайшую римскую армию с яростью обреченных. Перед битвой ты распинаешь на кресте в промежуточной полосе между двумя столкнувшимися армиями пленного римского центуриона, чтобы показать мятежным рабам, какая участь ждет их в случае поражения. А затем становишься в первые ряды войска и, забыв прежнюю стратегию двухлетней войны, в которой ты не проиграл ни одного сражения, как простой воин стремишься с мечом в руке пробиться к вражескому полководцу, и, по иронии Судьбы, крупнейшему итальянскому рабовладельцу Крассу! – чтобы убить его и тем решить исход битвы. Но битва проиграна, ибо не может столь долгое время один человек противостоять целой Империи, и воля всемогущего Рока-Фатума, обрекшего Великий Рим на тысячелетнее величие, неумолима, и тебе придется исчезнуть бесследно в водовороте столкнувшихся вооруженных людских масс и скрещенных мечей и копий.

Война рабов со своими хозяевами проиграна, погибла мечта о Государстве Солнца, на кресте вдоль Аппиевой дороги умирают все оставшиеся в живых невольники, поднявшие меч против своих господ, но среди них нет Спартака! Он исчез, тело его не найдено, и теперь на вопрос «Где Спартак?» победителей, страшась, что грозный враг

Рима еще жив, любой раб, решивший пойти по пути великого мятежника, может гордо выкрикнуть это имя: «Я здесь! Я – Спартак!»

«Я Спартак!» – слышится нам из глубины веков. Имя, ставшее символом освобождения рабов от своих цепей. Имя, призывающее людей к борьбе за свою свободу. Его имя мы слышали в национально-освободительных и хилиастических («за Царство Божие на Земле») движениях Средневековья.

Кончилось рабство, феодализм сметен буржуазными революциями, в последней схватке сошлись капиталистическое и социальное государства, Российская цивилизация встала на пути античеловеческой глобализации, но имя твое, Спартак, не осталось забытым. Потому пройдут сотни и тысячи лет, но люди будущих поколений, когда придет время постоять за свободу, всегда будут вспоминать эти твои слова, слова человека, не пожелавшего быть рабом: «Лучше пойти на крайний риск ради свободы и умереть за нее, чем рисковать своей жизнью и умирать для потехи жаждущей зрелищ толпы...». И тогда тому, кто станет перед выбором: угнетение или смерть, свобода или рабство, будь то отдельный человек или целый народ, не останется ничего иного, как встать в полный рост и выкрикнуть это достойное и до сих пор гремящее в истории имя: «Я – Спартак!»

Вот такими мыслями наполнилась моя голова в те майские дни победной крымской весны четырнадцатого года – в самом начале разгоравшейся освободительной войны на Донбассе, вызвавшей в моей памяти историю о гордом мятежнике Спартаке, на родине которого, на горе Митридат в Керчи, на земле древнего Пантикапея, я оказался волею судеб.

Симферополь.

